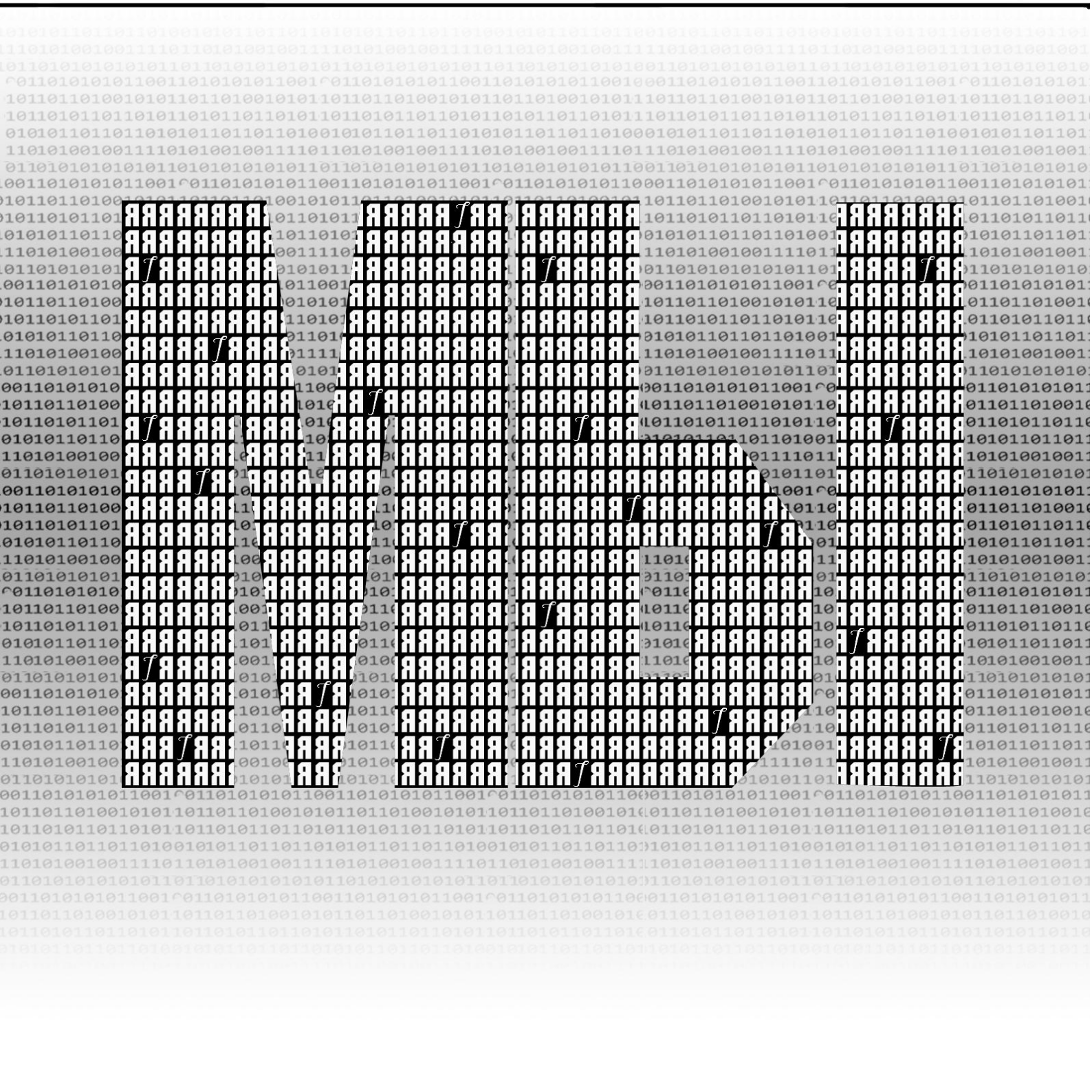
ЧУЖИЕ



Семен Грила

Чужие

«Проблема людей в том, что почти никто больше не ведет себя естественно, все ведут себя так, как от них того ждут, как если бы они прочитали о себе или увидели себя в кино. Вся жизнь сейчас такая. Нельзя даже думать естественно, потому что для тебя уже выбрано мнение, которое ты должен выражать. Оригинальность растрачена. И все-таки тяжело отказаться от веры в неповторимость человека».
Том Стоппард

«Кто любит восхождение, должен принять и упадок, ведь то и другое неразделимо. Но восходящий не верит в падение».
Эрих Мария Ремарк

«Когда хочешь стать своим, не надо пыжиться. Ты никогда не сможешь стать своим, если под этим ты имеешь в виду стать похожим, таким же, как они, которые другие, отличные от тебя, и к которым ты ищешь способ присоединиться. Не в этой жизни».
Эмигрантская проза

«Я»

Случайность не случайна. Это понимаешь много позже случившегося. Много позже, когда пыль давно осела, а ты продолжаешь смотреть вслед всему тому, что тебя покинуло. Как скрипучая телега, запряженная старой клячей. Это образ хорошего избавления.

Если же тебя оставили, умчавшись на новенькой блестящей машине в сторону небоскребов, растущих в дымке утреннего тумана, тогда, возможно, всё не так хорошо с тобой теперь.

Впрочем, всё чушь и байки. Любой их имеет десятки. На всякий поворот беседы.

Случайность случайна во всех остальных случаях. Она же путь к избавлению от плана действий и ведет к созданию условий.

«Я» – это мультибот или реплика каждого из нас теперь. Регистрируешься на портале гражданина и получаешь своего «я». Еще их называют патриотами.

Впрочем, в той стране и мире, где мы с «я» теперь живем, не принято выпячивать свои достоинства. Тут не любят идеологию для продажи, только для развития. Идеи хороши, идеологии плохи, считают здешние «мы».

Эмиграция – это не только пространственная категория, но и временная. Кто-то любит прошлое, кто-то будущее. И перемещаться теперь можно и туда. Кто-то остается в настоящем, хотя после сингулярности не вполне понятно, что это понятие значит.

Тесты

Многие теперь раздвоены. Впрочем, так было всегда, но теперь внутренний голос стал обладателем прав гражданина. И если он тебе отвечает, то уже не значит, что ты сошел с ума, а всего лишь,

что ты завел себе реплику. Некоторые говорят, что внутренний голос снова нашел их, и они теперь разговаривают втроем.

Деление прекрасно, хотя, конечно, увеличение субъектности не наращиванием, а разделением вносит в природу отношений свои краски.

Весьма возможно, что в будущем субъектность будет носить множественный характер и станет объединением, а не вершиной.

Тут еще надо приплести Тьюринга, ибо его тест на «свой-чужой» востребован в здешнем мире. Когда вокруг ходят незнакомые люди, кто их знает – это essential or artificial. И язык совсем не является показателем.

В общем, все зыбко и непрозрачно. Впрочем, теперь этот тест имеет совсем другой смысл.

Вновь прибывшие

Так разглагольствовал про местную жизнь, вводя в курс нового знакомого, Иван Удальцов. Он давно варился тут, в возвышенных дебрях Токио. Этом вневременном прибежище всего будущего.

Его собеседник, маленький рыжебородый человек, появился случайно.

Сидел за соседним столиком в обычном кафе, где Удальцов всегда завтракал, потом попросился присоединиться, подсел и теперь старательно кивал, слушая длинный монолог. Слушал. Не перебивал. А потом спросил вдруг:

– Не скучаешь?

Иван поперхнулся вопросом. Не ожидал. Так захлебываются волной неумелые пловцы. Отдышался кое-как и ответил вопросом:

– О чем?

– Ну, как было там, в том времени, откуда ты.

– До сингулярности, что ли? Совсем не скучаю.

– Но там же было проще и понятнее, а здесь нет своих.

– А кто у тебя свои?

– Ну, я из довоенных, – сказал вновь прибывший.

– И как тебе тут?

– Нелепо.

– Это как?

– Ну, я совершенно вывалился. Тут все не то. Мне не нравится. Особенно «я». Особенно – как ты рассказываешь.

– Надо потерпеть, привыкнешь, – попытался успокоить его Иван, хотя ему было все равно.

– Если ты не скучаешь, то нам не о чем разговаривать, – сказал рыжебородый.

– Давай я научу тебя строить себе дубля.

– Мне не нужен дубль.

– Тут всем нужен дубль.

– Я хочу назад, мне сказали, что если не прописываться в здешних программах, то включится деградация, и я постепенно вернусь. Может, не весь, но вернусь.

– Долго придется ждать.

– Ну, значит, будем долго ждать.

– А ты не один?

– Нет, я с женой.

– И как она?

– Ей нравится

– Но ты все равно потащишь ее назад?

– Да. Тут ей будет плохо.

– Ты уверен?

– Да, я уверен, – сказал он и посмотрел на Удальцова оловянными глазами зомби.

Вот оно что – он облученный, подумал Иван. Херово дело, надо сматываться.

– Ладно, как хочешь. Я хотел помочь.

– Спасибо, – сказал собеседник и встал. – Вон моя жена идет. Пока.

– Всех благ, – сказал Удальцов облегченно. Пронесло вроде.

Алгоритмы

Удальцов часто мешал вот таким вот, как его недавний собеседник –зомбированным вновь прибывшим, которых забрасывал Фронт борьбы с сингулярностью к ним регулярно, – вернуться обратно. Собственно, это и была его работа, если само существование Удальцова можно разделить на работу и что-то другое.

Он делал им «я» и тем самым максимально отягощал возвращение. Контрамоция шла еще медленнее, объективизированный цифровой субъект цеплялся по дороге за все существующее сейчас, отождествлялся с этим настоящим и превращал путь в долгое стояние.

Зомби скучали, тосковали, ностальгировали, затем ржавели и совсем забывали дорогу и их прошлое. В результате они максимально впадали в апатию и давали своим «я» становиться ими самими, чем укрепляли силы сингулярности и сводили на нет усилия Фронта борьбы.

Начальство

Руководителем отдела взаимодействия с вновь прибывшими был сервер RX 365 из сингапурского блокчейна. Он разговаривал с Удальцовым чарующим баритоном лучших актеров Голливуда двадцатого века.

Неизвестно, как там с авторским правом, или Сингапур купил всю библиотеку голосов, но голос каждую неделю был новым. Сегодня с ним говорил Хамфри Богард. Иван был в восторге поговорить с ним.

– Итак, – сказал начальник, – что происходит?

– Новый заброс, но подозрительный.

– Почему?

– Сам себя раскрыл.

– Как?

– Слабая попытка вербовки и саморазоблачение через рассказ про нежелание создавать «я» и регистрироваться на портале ради возможности вернуться назад.

– Может, он идейный?

– Может. Но, скорее, они что-то изобрели для разрушения наших алгоритмов. Возможно, сам этот засланец является алгоритмом. Или его жена. Или они вдвоем. Может, резонирующие структуры. Эмоциональные ряды. Я не знаю. Не смог двинуться глубже, – объяснил Удальцов.

– Зассал? – спросил сервер.

– Да, – сразу сознался Иван.

– Понятно тогда.

– Что делать?

– Да ничего пока. Пошлем на разведку твоего «я» вместе с его фальшивым «я», который ты бездарно соорудил, не зная сущности

этого существа. Но сейчас где-то параллельно его поправят, и вы пойдете на убой гонца.

– Вы, шеф, умеете и подбодрить и восхитить тонкой метафорой, – сказал грустный Иван.

– Отдыхай, я буду на связи.

– Я тоже. Жду указаний.

Традиция

Жена нового репатрианта, с которым Удальцов уже встречался, оказалась милой хохотушкой. Они сидели в баре старомодного клуба, где посетители вживую танцевали. Сами. Это теперь была редкость.

И еще. Здесь пили. Настоящее виски. С настоящим льдом. Настоящую текилу с естественной солью. Олдскул такой. Прям жесть.

Короче, они пили и танцевали. Они пьяные болтали и танцевали. А потом уже очень пьяные просто сидели и разговаривали о вечном, как и положено напившимся интеллигентам.

– Вы смешной, – сказала Люся. Она настояла, чтобы он так ее называл.

– Наверное, – сказал Иван, запрокинув голову и глядя в потолок.

– Я не хочу обратно.

– Почему?

– Я не люблю мужа.

– Веская причина.

– Я согласилась, чтобы уехать, а теперь мне надо остаться. Поможешь?

Иван пожал плечами.

– Я и так делаю все возможное, чтобы вы не вернулись.

– Нет, он пусть возвращается, зачем он вам с его взглядами и мишурой.

– А он такой простой, как кажется?

– Да, он простой.

– А как же контралгоритмы? Разве вы не должны раскручивать спираль обратно, возвращать былое. Без дум, – он спохватился, но поздно. Он попал.

– Как ты понял?

– Саморазоблачение. Сначала он, теперь ты. Какая-то пара горе-агентов. Но слишком нарочито.

– А ты умнее, чем кажешься.

– Нет, это сервер умный.

– Это кто – твой начальник?

– Да.

– И что вы собираетесь делать?

– Не мой уровень. Я лично буду делать, что прикажут.

– Мы распыляем ностальгию, если тебе интересно, в виде простого кода, напоминающего запах свежескошенной травы, легкого ветерка и щебетания птиц. Май, цветение, солнышко. Такой видеоряд в голове.

– Почему ты все рассказываешь?

– Ты помог.

– Как?

– Сделал ему «я», а он и был кодом, как ты и предполагал. Он нес алгоритм нашего успеха.

– А отчего такая открытость?

– Это часть плана.

– Лицемерие как правда?

– Да.

– Заразительная полуправда цинизма. Круто.

– Мы такие, – она улыбнулась и поцеловала его. – Еще способен танцевать?

– Всегда.

Разрушение упоительно. Так же, как и страсть. Она тоже разрушение. Поэтому они танцевали и упивались ощущениями краха мира, пока боссы бились, склеивая то, что завтра будет объявлено победой.

Конец

Сервер с тягой к порядку изменил алгоритм в полночь. «Я» стали essential, а «мы» стали «я». Мир разъединился. И теперь у прошлого не было будущего, а у настоящего прошлого. Сингулярность замкнулась, старый мир победил.

Администраторы апокалипсиса поняли, как заставить сингулярность заткнуться. Они давили на забвение и получили, что хотели. Сингулярность больше не представляла опасности для системы. В прошлом наступило всегда.

А Люся с Иваном к этому уже не имели отношения. Их больше не было. Вы скажете – так не бывает?

Да только так и бывает, хмыкнул Богард, глядя в звездное небо Касабланки, отраженное в глазах Бергман.